

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№ 11 / 2025

16+

11

Литературно-художественный журнал Журнал «Юность» №11/2025

Серия «Журнал
«Юность» 2025», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72807262

Журнал «Юность» №11/2025:

Аннотация

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Поэзия	6
Александр Пятнов	6
Стихотворения для Марины	7
Иван Белоусов	11
Был длинный летний день	12
Проза	15
Екатерина Манойло	15
Ты меня стесняешься, ты меня не любишь	16
Тамерлан Гаджиев	48
Алекс	49
Лиза Стратонова	55
Джеф	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Журнал «Юность»

№ 11/2025

© С. Красаускас. 1962 г.

Поэзия

Александр Пятнов

Родился в 1993 году в городе Березовском Свердловской области. Учился в УрГПУ г. Екатеринбурга на историческом факультете. Стихотворения и рассказы публиковались в журналах «Урал», «Нева», «Знамя», «Дружба наро-

дов», «Новый мир», «Юность». Участник проектов АСПИР и Фонда СЭИП Сергея Филатова. Живет в городе Березовском.

Стихотворения для Марины

* * *

По мосту, помню, реку переходил.
Был морозный день. Месяц был ледяной.
Оглянувшись, подумаю: правда ли был? —
этот день, этот мост над рекой.

Я случайно какую-то книгу открыл.
И читал, и читал, и под ветром строка
промелькнула, в которой как будто плыл
дым морозный под мост. И текла река.

* * *

Крапивы марево в глазах
стоит. Рукой крапиву тронешь —
сверкнет над нею стрекоза,
царапнув по твоей ладони.

Ах, если бы она смогла... —
перед глазами пролетела,
слезинку крылышком задела
и на ресничку бы легла.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ МАРИНЫ

1

Мальчик с девочкой из речки и песка
строят замок — настоящий, не воздушный.
Бегают к воде, в руке рука.
Кажется, и большего не нужно.
И чего действительно желать?
Помнить — и рукой, и долгим взглядом
теплый летний день. И просто рядом
быть. И ничего еще не знать.

2

Твой городок пропащий, маленький,
печальный, тихий городок,

где время вышло за окраины
дождя, и свет наискосок
в речной не проступает темени,
еще не названной тобой,
и ни желания, ни времени
забыться скошенной травой.

3

Легких рук твоих прикосновенье,
нежное, молчащее, сквозное,
ветренное чудо, дуновенье
лиственницы, растерявшей хвою.

Утром просыпаюсь – только имя
на губах, и помню только руки.
Господи! – и что мне делать с ними
в нежности, молчании, разлуке...

* * *

Пахнет дождем отсыревший забор.
Снег в беспорядке апрельском лежит.
Встретишь черемуху – смотрит в упор.

Что-то тебе на своем говорит.

Что-то о том, что дожди без конца...

Что-то о том, что солнечных дней...

– Не отводи, – говорит мне, – лица.

– Не отводи, – повторяет, – лица,
мята, шиповник, шалфей, можжевель...

Иван Белоусов

Родился в 1999 году в Липецке, печатался в журналах «Формаслов», «Littera»», «Петровский мост», «Москва». В 2024 году вошел в короткий список литературной премии имени А. И. Левитова. Живет в Липецке. В «Юности» публикуется впервые.

Был длинный летний день

* * *

А солнце в июле пекло, как всегда,
Дорога спускалась полого.
Но туча ждала за рекой, как беда,
И ветра просила у Бога.

Чуть слышно касанье невидимых рук —
Природа застыла покорно.
Но знает ли лист, уцепившись за сук,
Что держат все дерево корни?

Как вдруг, замерев на вершине холма,
Поймешь за минуту простоя:
Ненастье сегодня идет, как судьба,
Со страшной своей простотою.

Под тучей был виден звериный испуг,
Стрижиный полет торопливый,
Что падали вниз на взъерошенный луг,
Еще не причесанный ливнем.

* * *

Мне тонкая капели канитель
Начнет с утра играть на клавесине,
И на балконе простынь парусинит,
И непривычно длинен теплый день.

Апрельские мелодии странны:
Звучат ветра и в музыку врастают.
Во сне я знал все языки весны,
К утру забыл и вновь не понимаю.

Затянут сумерки, и хочется во мглу,
Разматывать дороги свиток древний,
Где вдалеке намокшие деревни
Тряпьем ненужным брошены в углу.

Где птичьих стай бесплотные надежды.
Сиротских слив и яблонь полон сад,
Что белые отбросили одежды
И в темноте, как лошади, дрожат.

* * *

Был длинный летний день, обычный, но все же особенный, как и все летние дни.

Мы шли к заброшенной церкви, стоявшей на вершине холма.

Во время долгого пути мы создавали маленькие песчаные бури,

а когда решили срезать полем, то кузнечики прыскали, как искры, в разные стороны,

и от их стрекота жара делалась еще невыносимее.

Какая-то черная птица кружилась над нами, безжалостная, как беспилотник.

В церкви было прохладно, пахло известкой и пылью, и лики святых не было видно,

только небо проливалось сквозь дыры в крыше, на которой уже успели вырасти молодые березки.

Мы сидели на ступенях и говорили о ерунде, что-то о качестве бутербродов и погоде на завтра.

И я смотрел на твой лоб с капельками пота и розоватые уши, как бы стараясь получше запомнить.

Но было что-то еще, самое важное, что осталось под сводами разрушенной церкви.

Сказанное или невысказанное, повисшее в воздухе паутинкой.

Я теперь часто размышляю об этом, ворочаюсь зимней ночью в одиночестве и не могу вспомнить.

А порой я думаю, что схожу с ума, потому что мне кажется:

память и воображение – это одно и то же.

Проза

Екатерина Манойло

Родилась в Орске. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Лауреат премии «Лицей» (2022).

Ты меня стесняешься, ты меня не любишь

Рассказ

Через полгода после смерти мужа Нина взяла кредит.

1

Невозможно было все вечера сидеть в «однушке», заставленной пыльными коробками с вещами, неразобранными после переезда с прошлой квартиры, которую пришлось продать. Если есть рейтинг худших планировок, то нынешняя жилплощадь Нины вошла бы в тройку лидеров. Длинный темноватый коридор, бестолковая ванная с окном на кухню, узкая гостиная, где кое-как поместились шкаф, раскладной стол и продавленный диван, на котором спит Оксанка. Сама Нина ночует на надувном матрасе, застеленном дешевым бельем из супермаркета рядом с домом. Единственное, что она сразу достала и повесила на стены в потертых обоях, – рамки с фотографиями, сделанными Андреем. Вот любимая: они на черно-белом море вдвоем, сидят на берегу, сзади подкрадывается волна, Нина смазанной рукой поправляет волосы: ее внутренний секундомер не успевает за таймером камеры. Андрей придерживает двумя руками Булочку, которая сидит

у него на плечах, улыбается во весь свой беззубый ротик и как будто тянется крылышком к серебряному солнцу. Когда Нина закрывает глаза, она все еще слышит шум волн.

Сломать бы все стены! Может, есть шанс все-таки обустроиться здесь. Может, однажды появятся силы. А пока Нина решила, что им с Оксанкой надо поехать в отпуск вдвоем. Куда-нибудь, где тепло, где море качает и нежит, где все цветет пышно и ароматно.

Но повернулось все иначе.

– Мам, дай карточку!

Дочь вошла неслышно, и Нина от неожиданности схватилась за сердце.

– Что ты хочешь купить, Булочка? – ласково спросила она, потянувшись к сумке. – Может, мы лучше в отпуске что-то присмотрим из одежды?

– Я покупаю билеты на концерт, – безапелляционно заявила дочь. – А там и мерч прикупим.

Нина достала из кошелька карточку, но помедлила передавать ее дочери. Погладила выпуклые цифры, точно резко ослепла. Хотя на самом деле Нина, наоборот, будто только сейчас прозрела. Заметила, как сильно поправилась ее Булочка. Новая одежда нужна прямо сейчас! Лямки короткого топики тонут в обильной, точно разваренной плоти. Бочки нависают над трикотажными шортами, колени напоминают коровьи лепешки. В одночасье так вес не набирают. Видимо, Оксана заедала стресс все эти месяцы, пока болел Андрей, и

потом, пока Нина выстраивала их с дочкой быт без отца.

Оксана нетерпеливо пробарабанила отросшими ногтями по дверному косяку. Давно надо подстричь и подпилить. Она совсем не похожа на мать: большие глаза цвета запеченной груши, прямой нос, пухлые губы (нижняя чуть пухлее), короткая ершистая челка, колючие складки на затылке. Нина знала, что сейчас так модно и что не надо критиковать выбор дочери, – и не критиковала.

Но взгляд! Взглядом она говорила: «С этой челкой ты похожа на детдомовскую! Тебя что, стригли тупыми ножницами?»

– Что за концерт, милая?

– Brutal Hearts. Мои любимые.

– Здорово! – Нина не лукавила, ей мало что нравилось из современной музыки, но эти девчонки-постпанки с песенками о любви, несмотря на язык и возраст, для Нины были «своими девчонками». – Они что, приезжают на гастроли?

– Нет, конечно. Концерт в Америке. – Оксана тяжело вздохнула, будто заранее знала реакцию матери. – Ты же говорила, что мы поедem в отпуск, я все спланировала.

– Да, Булочка, но я имела в виду какой-нибудь Египет или Турцию, честно говоря.

– Тогда без меня...

Нина распознала манипуляцию и раньше бы не поддалась. Но сейчас она видела перед собой брошенного подростка. А еще ей стало стыдно, что она подумала про одежду, которая

трещит на дочери по швам, а не про ее пустой взгляд.

– Просто странно, что ты все спланировала, если нам это очевидно не по карману.

– Да, если покупать на сайте и делать визы и все такое. – Заметно, что Оксана отрепетировала все доводы. – Но визы у нас уже есть. Помнишь, мы же планировали лететь втроем? Визы еще два года действуют, это раз. Билеты уступает с хорошей скидкой моя элпэшка, это два. А останавливаться будем в дешевых мотельчиках, как в американских фильмах, это три.

– Ты все продумала. – Нина улыбнулась, распрощавшись с планами на теплое море. – Сейчас все купим, милая.

Нина гордилась тем, что умеет слушать и слышать свою дочь. Хотя бы иногда.

2

Через неделю Нина и Оксанка уже летели в Лос-Анджелес. Булочка устроилась у иллюминатора, воткнула наушники и врубила музыку так громко, что и до Нины нет-нет да и долетали слова песни, что-то вроде «Ты у себя одна... выйди из тени... танцуй, девочка». Оксана подняла подлокотник и заполнила собой еще и половину материнского кресла. Она туго поводила плечами, обтянутыми футболкой, будто отстукивала мелодию на барабане. Запах ее молодого большого тела волнами бил Нине в нос.

Иногда Нина воображала, что делает замечание дочери. Осторожное. С тщательно подобранными словами, звучащими мягко, и напиши их – будут сплошь плавные линии. Раньше ей казалось, что вся мировая литература, весь кинематограф построен на конфликте матери и дочери, что на все претензии (хотя их не так уж и много) расписаны инструкции. Но нет, теперь, когда дело коснулось ее ребенка, Нина поняла, что уж ее-то ситуация из ряда вон, ни с кем ранее не случавшаяся, и потому нет никаких алгоритмов. Она хотела вернуть ту сладкую маленькую Булочку, какой была Оксанка до громадной семейной беды.

Между тем Булочка опустошила одну за другой упаковки снеков, чипсов и шоколадок и сидела довольная в крошках. Покосившись на нее, Нина представила гадкое. Что она засовывает в рот дочери два пальца, и ту тошнит, наполняется один бумажный пакетик, второй... соседи потрошат карманы кресел и передают свои пакетики, а Булочку все рвет и рвет, до тех пор, пока она не становится вновь стройной.

От стыда за все эти мысли Нина закрывает глаза, в искусственном воздухе салона становится зябко, она натягивает плед до самого носа и спустя какое-то время роняет голову на мягкое плечо дочери. Во сне возникло ощущение, что Андрей незримо существует в ее воздушном пространстве. И Нина улыбалась в счастливой полудреме и чувствовала его парфюм и заботливые руки, поправляющие то плед, то подушку. Но тут стюардесса резко опустила подлокотник меж-

ду ней и Оксаной, проверила ремни безопасности (на дочке еле застегнулся). Голос из динамика сообщил на двух языках, что самолет начинает снижение.

Сон еще гудел в голове, но привычно надвинулось несчастье. Нина бы заплакала, но Оксана ее опередила. Запустила руку между ног, пощипала себя за джинсы и захныкала.

– Булочка, что случилось? – Когда Нина боялась или переживала за дочь, у нее всегда сжималась матка.

– Натерла себе ляжки, у меня там мозоль, наверное.

Нина мысленно закричала: «Так перестань жрать все подряд!»

Обычно она, когда нельзя сказать, что действительно дуем, нельзя выкрикнуть правду, отворачивалась и точно натягивала на лицо маску. Возвращалась уже с заготовленными необходимыми репликами (с теми, что на бумаге становятся мягкими волнами). Булочку это не беспокоило. Но сейчас время на подбор ласковых слов затянулось...

– Мам... Ты чего молчишь?

– А что я скажу, Булочка? – Нина зябко обняла себя за острые плечи. – У меня нет ответа.

– Ну, я говорю тебе о своей проблеме... Отпуск будет испорчен!

– Пройдем все контроли и купим тальк в первом супермаркете, должно помочь.

Нину нельзя назвать верующей, но пока они были высоко в небе, Андрей явился ей во сне, как ангел-хранитель. С

ними точно ничего не может случиться, самолет обязательно совершит мягкую посадку. Теперь от этого чувства почти ничего не осталось.

И вот «боинг» выпускает шасси и с надрывным воем тормозит на бетонке.

3

Нина набрала код из СМС на локаторе, который был прикреплён к стеклу на водительской двери. Этот голубенький «Фольксваген-жук» она забронировала и оплатила онлайн. Вот ведь чего достиг технический прогресс, а люди продолжают умирать от рака. Машинка разблокировалась, довольная Нина обошла «Жука» и открыла перед Оксаной пассажирскую дверь. Дочь переминалась в короткой юбке с воспаленными, в детской присыпке ляжками. Не испачкать бы сиденье. Бюджет и без химчистки салона куций. Нет, не о том она думает! Плохая мать!

Булочка кое-как уселась и теперь обмахивала мокрое лицо тонким журналом, прихваченным в аэропорту, на обложке латиноамериканская модель плюс сайз. Интересно, дочь специально выбрала именно этот журнал? Ищет общественной поддержки, сестринства? А сейчас вообще выпускают глянец со стройными девушками? Пока Нина настраивает зеркала и навигатор, мимо в инвалидном кресле проезжает женщина, по ощущению раза в два тяжелее Булочки и в

пять-шесть самой Нины. Маленькое кукольное личико, утонувшее в подбородках. На коленях фартук жира. Моторчик кресла надсадно жужжит.

Нина всей кожей чувствует тревогу дочери. И почему она не может посмотреть Оксане прямо в глаза? Почему она со своим ребенком – как с диким зверьком?

Однажды Нина увидела дочь именно как зверушку. После сороковин она, вдова, напилась успокоительного, потом водки, хотя никогда раньше ее не употребляла и в доме не держала. И залегла в спячку, как медведица. Солнце то наполняло задернутые шторы, то садилось за смутно читаемые уступы многоэтажек. Нина поднималась, чтобы сходить в туалет, выпить воды, и снова падала. Она не осознавала, сколько прошло дней. Два или двадцать, сплошное беспамятство. А потом вдруг чуть отпустило, будто в груди развязался узел, ребра перестали давить на сердце. Нина, пошатываясь, встала и слабым голосом позвала Оксану. Дочь не откликнулась. Квартира вроде была прежней, но такой, словно с нее содрали кожу. Как будто забрали весь свет. Шаркая на слабых ногах, Нина прошла на кухню и едва не споткнулась о дочь. Булочка сидела на полу среди фантиков и жестянок, будто брошенный замусоренный монумент, перед которым валяется его отломанная рука. И взгляд у нее был равнодушный, неживой.

– Включишь свою музыку? – Нина дежурно растягивает губы. После смерти Андрея у нее нет других улыбок.

– Дава-а-ай, – лениво говорит Булочка и подключается к блютусу.

– Ну или, может, по очереди?

– Ну уж нет! – Оксана хохотнула. – Не хочу слушать твоё старье.

– Ты говорила, что старье снова в тренде.

– Это другое старье!

Нина привыкала к машинке: она была комфортной, но на фоне огромных пикапов выглядела игрушечной. На трассу выезжали медленно, будто в любой момент из ниоткуда мог выбежать гигантский ребенок и, размахивая пультом, забрать своего «Жука». Уже на автостраде Нина наконец набрала скорость.

Примерно за километр до стадиона раскинулась парковка, уже наполовину забитая автомобилями. Воздух над ней дрожал, в мареве плыли цветные пятна, стекла, казалось, плавились на солнце. Тут и там стихийные пикники: открытые багажники, навесы, походные стулья, пластиковые столики, сэндвичи и напитки в одноразовых стаканчиках, переносные колонки. Музыка из них смешивается в густой звуковой бульон. Идти до стадиона по жаре утомительно, но парнишка в светоотражающем жилете скрестил руки, мол, проезда нет, и Нина запарковалась. Она не торопилась выходить, проверяя, все ли документы собрала в поясную сумочку. Оксанка же, ерзая попой по мокрому сиденью, аккуратно выползла в жару и, как только хлопнула дверь «Жука», взвизгну-

ла. Нина испугалась, выскочила, как всегда, предположила страшное. Но Оксанка, как маленькая, затопала ножками и указала крылышком на палатку, где, судя по футболкам, развешивавшимся на ветру рядом с американским флагом, продавался мерч.

Нина кивнула дочери, мол, конечно-конечно, все купим. И та льстиво улыбнулась в ответ. Цены в этом нестерпимо душном магазинчике были завышены в два, а то и в три раза, и в какой-то момент Нина подумала: было бы хорошо, если бы на Булочку не нашлось размера. Подлая мысль! Плохая мать! Когда-то давно она читала в книжке для родителей, что нельзя отказывать детям в таких мелочах, как попкорн в кино или буфет в театре. Иначе семейная вылазка превратится для ребенка в пытку, и из всех событий, даже очень ярких, чадо запомнит только ваш отказ. Купим непременно, тем более она так и так собиралась обновить дочери все эти майки и выцветшие футболки, что трещат по швам.

Размеров было полно, даже пузатый байкер, на глаз раза в два больше Оксанки, набрал себе шмотья. Примерочной никто не пользовался, непонятно даже, была ли она. Все натягивали одежду прямо поверх своей, крутились перед единственным узеньким зеркалом или изворачивались, пытаясь уместиться во фронтальные камеры телефонов. Повязывали банданы, гремели брелоками и медальонами, глухо чокались кружками и термосами. Оксанка выбрала футболку, худи, шопер и зачем-то блокнот с ручкой. Нина набрасывала

на нее эту громадную одежду, будто чехлы на диван. Булочка выглядела счастливой. Совсем как раньше. Это бесценно.

Потом было блуждание по секторам под невнятные песни какой-то неизвестной группы с разогрева. Нина показывала электронные билеты волонтерам, те пожимали плечами, говорили, что это не их сектор и надо обойти стадион, надо спуститься или надо подняться. Счастье с лица Булочки смывалось ручейками пота с примесью тоналки. Наконец добрались до нужного входа, пришлось снова спускаться, искать свой ряд и объясняться с двумя вертлявыми мулатками, которые заняли их места. Оксанка разблокировала экран, открыла приложение с билетами и хотела было тыкнуть им в хорошенькие оленьи мордочки, но телефон выскользнул у нее из пальцев и лягушкой попрыгал вниз. Девчонки смутились и куда-то ушли.

Когда на сцене появился технический персонал, стадион заулюлюкал. Трибуны заволновались, значит, концерт начался. Расстроенная Оксанка снова напоминала ребенка, чей мяч улетел в чужой двор, а ей строго-настрого запрещено ходить к соседям. Нина спустилась на несколько ступеней, наклонилась, высматривая пропажу. Протиснулась между двумя парнями в униформе, поднимавшимися навстречу, поднырнула под их подносы с коктейлями, стукнулась лбом о висевший на поясе у одного терминал оплаты. Присела на корточки – не видно. Почти распласталась, невежливо ухватившись за чью-то костлявую коленку, и раз-

глядела между чужими ногами черный зеркальный пластик.

— Мам, нашла? — донеслось жалобное Оксанкино.

Нина, стоя на коленях перед растерянно вскочившей девочкой, быстро объяснила, что просто хочет достать телефон, и нырнула под сиденье. Колено неприятно царапнуло, одна ладонь угодила в кетчуп, вторая наконец дотянулась до трофея. Выбравшись растрепанная, запыхавшаяся. И тут стадион загудел. Шум перекрыл взрыв барабанной дробы. Оглушенная Нина торжественно вручила телефон Оксанке. Утеранный и найденный, он был теперь для дочери еще дороже, чем раньше. Прижимая гаджет к груди, Оксанка добралась до их с матерью мест и плюхнулась в ближнее пластиковое креслице. Нине пришлось почти перелезть через ее громадные колени, чтобы тоже сесть.

Издалека солистка группы казалась какой-то блескучей елочной игрушкой. Камера поймала ее улыбку в красной помаде и передала трансляцию на экран. Солистка медленно и протяжно... мяукнула. А ведь и правда, жирная подводка на глазах делала ее похожей на кошку. Нина в молодости и сама густо малевала глаза. Мягкий черный карандаш, тени, которые напоминали сажу и всегда осыпались, тушь для ресниц. Они с Андреем тоже ходили на концерты, иногда на любимых треках Нина забиралась на плечи мужа и чувствовала себя особенной, будто группа поет только для нее. Роскошь, которой лишена ее дочь. Нина сжала кулаки: почему все мысли сворачивают на вес Оксанки?

Это забота. Это забота. Это забота.

Сначала Нина привыкает к другому английскому, не к тому, на котором говорят с туристами на паспортном контроле или в придорожных кафе. Глубокое контральто, какого нельзя было ожидать от щуплой пигалицы, завораживает. Вдруг языковой барьер словно растаял. Нина ощущает родственность с этой девчонкой, которая связками, горлом, дыханием говорит о разлуке с любимым. Девочка за ударной установкой потряхивает бирюзовой гривой, по-хулигански лупит по тарелкам. Весь стадион вибрирует, ударная волна от барабанов летит в толпу.

Как же трудно оторваться от экранов и просто смотреть на сцену. Там, внизу, фигурки артистов кажутся почти условными. Перемещения их отрепетированы, и это выглядит как настольная игра. Вокруг кипит фан-зона. Там самые рьяные уже бегают по кругу, трясут растрепанными плакатами и пытаются добросить до сцены подвядшие цветы.

Нина повернулась к Оксанке. Думала, что дочь тоже подхватит этот концертный вирус, станет подпевать или водить плечами, кивать в конце концов. Но Булочка смотрела в телефон, изредка поднимала глаза лишь для того, чтобы навести камеру на сцену, сделать снимок и снова пропасть в сети.

– Милая, ты была права, это очень классная группа!

Оксанка хмыкнула в ответ и на несколько секунд поставила постинг на паузу. А что, если дочь никакая не фанатка? Тогда зачем они здесь? А что, если это было испытание, про-

верка матери на вшивость. Нина улыбнулась: если так, она прошла краш-тест. Солистка Brutal Hearts отпила несколько глотков из пластиковой бутылки и разбрызгала остатки на фанатов в первом ряду. Вот бы и на трибуны кто-нибудь плеснул. Но из влаги здесь только ручейки пота по спине и ногам.

Басист с длинными русыми паклями поднес гитару к лицу и, высунув язык, похожий на мускулистого моллюска, перебрал им несколько струн. Нина взвизгнула от неожиданности. Дотронулась до липкого плеча Булочки, мол, посмотри, что творит. Оксанка тут же навела камеру на музыканта, крутанула зум до предела. Басист как по заказу снова проделал трюк языком. Затем уже татуированными пальцами выдал виртуозное соло. Его музыка становилась все более мрачной и некомфортной – как головная боль, неудобная обувь и удаление вросшего ногтя. Она проникала внутрь, разгоняла толчки крови, распирала ребра. Чуть позже Нина поняла, что эта тяжелая композиция была нужна, чтобы солистка могла исчезнуть со сцены на пару минут и переодеться. Теперь вместо блескучего не пойми чего на ней было длинное светлое платье, а с плеча струился платок, точно у индийской актрисы. Она соединила ладони, слегка поклонилась басисту, и тот, облизнувшись, сглотнул. Музыка стала тише и медленнее. Несколько девушек забрались на плечи к парням и выросли в толпе – подальше от земли, подальше от смерти. Мгновение назад Нине было почти весело, сейчас

она жалела, что не умерла вместе с Андреем.

4

Мотель и правда как в фильмах, в ужастиках или в боевиках. Одноэтажное длинное белое строение напоминает корпус тюрьмы. Разве что нет решеток на окнах. Вход в номер (в камеру) прямо с улицы, с парковочного места. Двери будто картонные, по таким и стучать страшно. Как они не треснули, пока в них врезали замок, — непонятно. Щелчок. Нина толкает дверь, и в нос бьет запах сигарет, отсыревших полотенец и средства от насекомых. И холод! На полу стоит кондиционер и дует в полную силу. В комнате градусов пятнадцать. Нина первым делом выключает морозный ветер. Возможно, неприятный запах исходит из этой бандуры.

Свет от люстры и бра желтый, почти охра. Номерок узенький, с одной двуспальной кроватью. Над ней постер с водопадом и раскрашенная жестянка: портрет какого-то известного актера. Нина не может вспомнить имя, но точно видела его в каких-то фильмах. На прикроватной тумбочке горбатый допотопный телефон и электронные часы. Надо же, обои примерно такие, как в их «однушке». Узкий стол у окна: то ли высокая лавка, то ли барная стойка. Рядом бесформенное кресло, похожее на раздавленную хурму, по ощущению, его приволокли не с гаражной распродажи, а с помойки. Оксана задернула бордовую штору и тут же выглянула из-за нее

наружу.

– Класс! Папе бы тут понравилось, и машина прямо под окнами! Не угонят!

Нина не ответила. Она теперь тоже думала, понравилось бы тут Андрею. Как будто нет. Наверное, он бы нашел для семьи что-то более уютное. Заранее почитал бы отзывы, посмотрел фотографии на сайте, выбрал бы номер лучше.

Туалетная комната на удивление просторная: ванна с низкими бортиками, в такой, наверное, лежишь, будто в луже. Раковина малюсенькая, будто вся керамика ушла на унитаз, высокий и основательный, словно трон, а ее уже слепили из остатков. Нина помыла руки, набрала в ладони холодной воды, макнула лицо. В ушах еще стоит гул концерта. Вот бы уже проснуться.

Булочка сходила в душ, судя по мощному плеску, шлепнулась в ванну. Раз не позвала, значит, все нормально. Вышла румяная, намотав на себя все, какие были, полотенца: тюрбан на голове, казалось, был сделан из полумойной тряпки. Не стала обрабатывать тальком натертости, хотя они еще розовели достаточно ярко. Нина вздохнула с облегчением: она беспокоилась, что следы белого порошка могут насторожить администратора мотеля или горничную. Машинально прибрала одежду за собой и дочерью, сложила покрывало, развесила брошенные и затоптанные полотенца. В номере становилось душно. Нина включила кондиционер, выставив на нем семьдесят градусов по Фаренгейту. А Булочка,

развалившись на середине кровати, разодрала шоколадный батончик и смачно откусила. Нуга, арахис, какая-то химия.

Нина плюхнулась в кресло, потянулась к прикроватной тумбочке, взяла рекламные брошюры, приглашающие отправиться в национальный парк Йосемити по живописной дороге. Обещаны водопады, озера, секвойи, ледники...

Ну и ладно, что номер такой. Ладно, что на концерте не все прошло гладко. В конце концов они обе просто устали. Сказывается разница во времени. Надо бы поспать. Как только Нина об этом подумала, мимо номера протопала горничная, толкая визгливую тележку. За стеной бубнит телевизор. Булочка шуршит упаковкой от батончика, причмокивает и всасывает шоколадные крошки. Хватит жрать! Но внутренний крик остается беззвучным. Нине нужен воздух, она задыхается, трупики слов падают, гаснут.

– Сделать тебе чай? – наконец произносит она. – Зачем давиться сухомыткой?

– Сэнкью, мамми, я колой запью.

На черном томике Библии стоит уже открытая запотевшая бутылка. Оксанка хватается ее, оставляя на священной книге капли конденсата.

Нине вспомнился требник в руках батюшки, что отпевал Андрея. Но в этом смутном воспоминании священник больше похож на колдуна. Кондиционер дымит ладаном, голубоватые клубы заполняют номер, и Нина погружается в тревожный сон. Последнее, что она слышит, – «Ты меня стес-

няешься, ты меня не любишь».

5

Под утро Нина перебралась на кровать. Умостилась рядом с Оксаной, закинула на нее руку, прижалась грудью к теплой спине, но это не было объятием. Вернуть бы ее детство, целовать макушку с прядками, мягкими, как перышки, вместе грызть ранетки, смеяться, что молочный зубик остался в яблочке. Откуда эта фраза «Ты меня стесняешься, ты меня не любишь»? Оксана так сказала или это приснилось? Бросила в лицо засыпающей матери? Для бодрствующей мамы у Оксаны была другая тема. Как бы Нина ни пыталась надышать побольше тепла, дочь выдавала беспощадное: «Ну, ты же знала... знала, что папу уже не спасти. Он все равно умер. Зачем было кредитов набирать, тратить все ему на медицину, а потом продавать квартиру? Ты обо мне подумала?»

Нина снова попыталась уснуть, но затхлый воздух забивал ноздри ватой. День будет насыщенный, и кто знает, сколько времени она проведет за рулем. Остановятся ли они в гостинице парка или проедут дальше и заночуют снова в каком-нибудь мотельчике, чтобы сэкономить? Нет, надо еще подремать.

Она пролежала так несколько минут, игнорируя и свет утреннего солнца, и запах кофе где-то совсем рядом. Внезапно стало хорошо. Эти обшарпанные страшные стены оста-

нутся, кондиционер – пластиковый вонючий ящик – тоже, а они с дочкой уедут. Нина скинула тонкое одеяло, пошевелила пальцами ног, вытянулась струной и тут же села. Оксанка привстала, смачно зевнула розовым ротиком, осмотрелась, будто вспоминая, где она и как здесь оказалась. Хо-ро-шо!

И завтрак – подсохший скрэмбл, драники, которые здесь назывались хэшбраунами, стружки пережаренного бекона, тост с маслом – неожиданно оказался вкусным. Нина выпила две кружки водянистого кофе, а Оксанка – кока-колу с шариком мороженого.

На улице продирает свежестью, воздух – как охлажденное белое вино. Почему-то солнце заливает шоссе и поля розовым закатным светом. Оксанка, наверное, тоже заметила эту аномалию и улыбнулась своим каким-то мыслям. Нина расплатилась за ночь в мотеле, и они, свободные, выехали с парковки. Вокруг разворачивался бесконечной лентой непривычный пейзаж, чужие просторы: плавные пятна песка, на них островки странного тонкого бурьяна, невысокие скрюченные деревья, похожие на пляшущих человечков Конан Дойля. Далекие горы в ленивых лежащих позах, серые скалы, обступающие шоссе. Какой-то резвый зверек метнулся перед самым капотом, распустив пушистый хвост, и Нина понадеялась, что не переехала глупое существо. Оксанка все время смотрела по сторонам и, к радости Нины, почти не отвлекалась на телефон.

– Как тут красиво, – выдохнула она, обращаясь то ли к

матери, то ли к пейзажу.

– Булочка, я так рада, что тебе тут нравится. – Нина улыбнулась так естественно, как не улыбалась давно.

– Чувствую вдохновение.

– Ого, здорово! – Нина прикусила губу, понимая, что сфальшивила.

– Я серьезно, мам, – обидчиво ответила Оксана. – Я могла бы написать фолк-песню о крутой девчонке, которая живет во-о-он за тем дальним хребтом.

Нина пыталась вспомнить, замечала ли когда-нибудь за дочерью интерес к сочинительству.

– Все знали ее как охотницу и искусную мастерицу, она шила парки с такими узорами, что ей завидовали Солнце и Ветер. Они-то и решили погубить девушку. Потому что не терпели соперничества, хотели, чтобы только их трудами люди восхищались и только о них слагали песни...

– Похоже на сказку. Но мне нравится. А как бы ты назвала эту девушку?

Оксана пожала плечами.

– Может быть, Оксана? Или Нина?

Какое-то время дочь развивала свой плохенький детский сюжет, а Нина, впериw невидящий взгляд в шоссе, льстиво поддакивала, надеясь, что дочь не заметит фальшивых интонаций и не разозлится. Когда справа показалось пастбище, Нина сбросила скорость. Несколько лошадиных морд обернулось в сторону «Жука». Оксанка им помахала, купленный

вчера на заправке этнический браслет с бирюзой блеснул на солнце. Она все фантазировала о прекрасной деве, накручивая одну нелепость на другую, и будто дирижировала лошадьми. Громче, противнее!

– Не знала, что ты... сочиняешь... пишешь всякое, – пробормотала Нина.

– Ну да, всякое пишу, – самодовольно заявила дочь и отвернулась к окну.

Солнце подернулось мыльными облачками. Голос Оксаны зазвучал как снотворное. Грозные реки, черные болота... Нина пыталась все это вообразить, но получалось плохо. Оксана теперь смотрела только через камеру смартфона. «Специально, чтобы не столкнуться взглядом со мной», – подумала Нина. Булочка снимала все: свою высунутую из окна руку, себя в зеркале на козырьке, быстро меняющийся пейзаж, вывески и предупреждающие знаки: «Не оставляйте мусор», «Осторожно, медведь», «Круглосуточное кафе», – все это было написано яркими буквами на нарочито кривых, плохо оструганных досках.

Машины проносились мимо, но тоже запечатлевались в телефоне: здесь уже не было огромных фур с бычьими мордами и логотипами компаний на бортах, не было трейлеров, только пикапы разной степени убитости. Те обгоняли с дребезгом, обдавая «Жучок» красноватой пылью. Заехали на территорию национального парка. Мощная женщина в песочной форме, которая делала ее похожей на киношного ше-

рифа, ухмыльнулась, глядя на их машинку, и сказала, что дальше их никто не пропустит, пока они не наденут цепи на колеса. Через открытое окно в салон залетали мелкие капли дождя. Нина кивнула, мол, сделаем, и отметила на карте, выданной при въезде, то кафе, где можно взять цепи напрокат.

Проехали метров пятьсот. Колоннады мощных стволов и камни, похожие на мумии древних вымерших животных. Свернули, вильнули и припарковались у высоченной деревянной статуи медведя, державшего в лапах приветственную табличку. Здесь температура была заметно ниже, чем внизу. Нина дотянулась до сумки на заднем сиденье, выудила кардиган себе и свитер Оксанке.

Выбрались из «Жука», поехали. Оксанка протерла фронтальную камеру о свитер на животе и сделала несколько быстрых селфи. Нина даже не поняла, попала она в кадр или нет. Злой ветер моментально исхлестал щеки мелкой ледяной крупой.

Кафе напоминало старую дачу с огромной верандой. В углу зала кто-то орал песню, по ощущению, под такую хорошо вечером сидеть у костра и жарить зефир на палочках или что они там плавят. Атмосферно, хоть слов и не разобрать. Смуглая молодая официантка, улыбнувшись одними индейскими глазами, посаженными близко к орлиному носу, усадила гостей за стол у окна с видом на огромную секвойю. Нина обомлела. Ствол – будто оплывшая от времени рыжая колонна. Почему остальные не смотрят на такую красоту?

Они что, местные? В некотором смысле местные всегда слепые. Ну или они приехали раньше и уже налюбовались.

Массивный стол был велик для двоих. Нина хотела было пересесть, но огляделась – столы везде одинаковые, на них запотевшие кувшины с водой и тающими кубиками льда, перед гостями громадные тарелки с гигантскими порциями чего-то мясного с бурой подливой. Люди тоже примерно одинаковые, бледные жующие морды, сытые стоны. Официантка поймала взгляд Нины и ткнула коротким темным пальцем в меню, где жирным шрифтом сообщалось: от любого блюда можно заказать половину порции. Нина благодарно закивала и поймала себя на том, что опять широко улыбается не своей улыбкой.

Оксана бегло глянула в меню, выбрала ланч, где, как в столовой, предлагали первое, второе, третье, десерт и молочный коктейль с шапкой из сливок. Нина заказала себя половину порции рагу с овощами и черный кофе.

Официантка обещала вернуться через пару минут, и Нина решила пока договориться с администратором о цепях. К столику подошел мужчина, похожий на лесоруба: джинсы, клетчатая рубаша в бледных катышках, очень старые кроссовки – точно здоровяк носил их, не снимая, десятилетия. Нина призналась, что никогда не имела дела с цепями, и американец, должно быть, вообразив себя супергероем, вызвался помочь. Пожелал приятного аппетита и сказал найти его потом через ресепшен. А Нина снова затосковала по Ан-

дрею. И стало немного стыдно, что тоска эта возникла не сама по себе, а от беспомощности. Потом поплачу, решила Нина, взглядываясь в Булочку, силясь узнать в ней свою прежнюю дочь.

Еду и правда принесли очень быстро, не успел гитарист за столом в углу затянуть новую хриплую балладу. Нина справилась с рагу минут за семь и теперь маленькими глотками растягивала кофе и гадала, сколько жиров в молочном коктейле Оксанки.

Облака собирались в тяжелые серые ковры, из которых кто-то наверху выбивал, точно пыль, мелкий колючий снег. С цепями «Жук» держался увереннее. Он медленно взбирался все выше по серпантину, поскрипывая под натиском ветра.

Справа мерзлые морщинистые скалы. Слева за столбиками ограждения глубокая белая муть, из которой едва проступают острые, как пики, верхушки елей. Куда-то подевалась суeta популярного заповедника: ни туристов, ни персонала, ни магазинчиков. На смотровых площадках призраки скамеек. Ограждения колышутся в тумане, будто рыбацкие сети. Пустые урны, нечитаемые стенды, истерзанные непогодой. Неужели внизу облака, правда так высоко?

Булочка протяжно зевнула и почесала сначала одно ухо, потом второе.

– Вот это «Сайлент Хилл». А у нас есть что пожевать? – Оксана посмотрела на мать, будто та была автоматом с готовой едой.

– Мы же только что обедали. – Нина не успела натянуть маску все принимающей осознанной матери.

– Мне уши заложило. – Оксанка раскрыла рот, глотнула пустого непитательного воздуха. – Жвачку мы не покупали, так что мне остается делать?

– Зевать? – предположила Нина, опять неправильно.

– Сама зевай! – Булочка выдернула пачку рогаликов из бардачка и саданула со всей своей дури кулаком по пластиковой крышке.

– Что такое?

– Говори! Я же знаю, что ты думаешь...

Булочка зажала зубами уголок пачки, дернула головой, и в Нину мелкой дробью выстрелили крошки с корицей.

– Аккуратнее, пожалуйста.

– Ну да, аккуратно! – Оксана сорвалась на крик. – Я же не виновата, что меня мамочка родила с куриной костью вместо левой руки? Ну, извини, что открываю пачку зубами, как псина. Мамуля ведь не поможет, не хочет, чтобы я лишний раз ела мучное и сладкое.

– Я ничего такого не говорила, не выдумывай!

– Если ты не произносишь все это вслух, не значит, что я это не слышу.

– Булочка, ты о чем? – Нина почувствовала, что теряет контроль и над собой, и над машиной.

– Ты все время кричишь: «Хватит жрать!» Ты кричишь это за завтраком, за обедом и за ужином. Ты кричишь это, даже когда я ничего не ем. Просто видишь меня и мысленно орешь. Когда я была маленькой инвалидкой с протезом, я тебе больше нравилась, да? Толстуху с усохшей культей сложно любить, я понимаю. Твоя бы воля, ты бы меня в интернат какой-нибудь сдала с глаз долой.

– Как я сразу не догадалась, у тебя ПМС, да?

Нина вплыла в состояние, которое бывает, когда уже много чего натворил, но еще не можешь остановиться, потому что как только это сделаешь – придется признать, что произошло, и решать проблему, а пока главное не тормозить, не думать.

– А по-твоему, после месячных у меня отрастет рука и исчезнет лишний вес? – огрызнулась Оксанка.

– Не хами матери. – Нина ощутила, как запылали щеки.

А Оксанка как будто обрадовалась. Ее заплавленные глазки заблестели, она торжествующе вскинула культю, мотнувшись пустой зашитый рукав.

— А знаешь, ты права, ты плохая мать.

В лицо Нине шмякнулся пакет с рогаликами. От неожиданности она зажмурилась. Ей вдруг показалось, что это все пространство сна. Не может Оксанка читать ее мысли, не может. И эта дорога не может быть такой бесконечно извилистой, и разве облака... разве они бывают густыми, как подтаявшие снеговики?

Вот сейчас надо остановиться, самое время, идеальный момент. Нина хотела прижаться к скале и плавно докатиться до ближайшей смотровой площадки, чтобы там перевести дух, успокоиться. Но «Жук» теперь не слушался, будто и правда гигантский мальчишка, спрятавшийся за мутной, как тень, лесистой вершиной, беспорядочно жмет на кнопки пульта управления. Машинку крутануло раз, крутануло два, занесло. Передний бампер сшиб ограждения, заставив Нину клацнуть зубами, и левое колесо зависло над белой пеленой. Потянуло вниз живота, как бывает при просмотре роликов про прыжки с парашютом или про падения с высоты. Вот и они с дочкой сейчас будто зависли в воздухе. Глухая тишина. Только внутри «Жука» что-то тоненько скрежещет. Машинка как будто жалуется, а мгла смыкается над ней, и в ушах шуршат пузыри.

Булочка тряхнула головой, точно проснулась. Стиснула в

кулаке недоеденный рогалик.

– Оксана, не шевелись... – Нина перешла на шепот, будто и голос имел вес.

– Мам, я не хочу! – пронзительно взвизгнула Оксанка.

– И я не хочу. – Нина осторожно наклонилась вправо, прижав локтем пустой рукав Оксанкиного свитера.

– А если мы упадем, вдруг мне зажует там ногу?

Или машина взорвется, как в фильмах...

– Не взорвется.

– Да откуда ты знаешь! При папе ты за руль-то садились – по пальцам моей единственной руки можно пересчитать, ты и ездить разучилась совсем.

Оксанка криво ухмыльнулась и сразу задохнулась от страха: машинка качнулась, точно ее, как лодочку, спустили на молочно-белую воду.

– У тебя вообще нет совести? – Слезы обожгли глаза, и на один блаженный миг мир затуманился.

– Есть, но недоразвитая, мамочка, как и эта кочерыжка! – Оксанка вытянула пустой рукав из-под матери. – Я уродина, я больше не хочу это выносить. Лучше умереть.

– А обо мне ты подумала? – прошипела Нина. – Где твой телефон?

Булочка беспомощно опустила глаза. Нина поняла, что мобильник выскользнул и уехал под сиденье.

– Достать?

– Нет, я дотянусь.

Нина скосилась на окно, пытаясь оценить все риски. Густой туман и лишь одна прореха, в которой видно хоть что-то. Словно старый уже не белый, почти серый пододеяльник, из середины которого ромбиком торчит узорчатое одеяло. Далеко внизу белая речушка кипит среди черных камней. Долго ли лететь до нее, сколько кувырков сделает «Жучок», сколько раз ударится о скалы, будет ли боль обжигающей, и каково это – знать, что конец через несколько секунд.

Медленно и осторожно, как если бы шла по канату, Нина оттянула ремень безопасности, наклонилась к дочери, протолкнула пальцы под кресло, почувствовала подушечками пластик, потянула плавно. Наконец телефон в руке, распрямилась, поймала собственное отражение в зеркале: бледная, как пелена за окном, взглянула на Оксанку – такая же. Что толку от мобильного, если нет сети.

– Нас найдут. Машину зафиксировали в журнале, они отслеживают, сколько приехало, сколько уехало, – успокаивала Нина себя и дочь. – Вопрос времени. Надо просто подождать.

– А времени у нас вагон!

Оксана всхлипнула, дернулась, и «Жучок» тут же отреагировал, точно в настоящего полудохлого жука ткнули булавкой. Мир опять накренился. Теперь уже оба передних колеса покачивались над пропастью.

– Может мне перелезть назад? – едва слышно прошептала Оксанка.

– Слишком опасно, мы упадем раньше.

Оксанка криво ухмыльнулась.

– Может, папа нас к себе забирает. Ну, хотя бы попали на концерт.

– Милая, нас спасут. И все будет хорошо.

«Или не спасут...» – прошептал какой-то незнакомый внутренний голос. Это приговор? Если погибать, если остаются считанные минуты, Нина хотела бы вспомнить теплые деньки на море: они с Андреем молодые и здоровые, без конца целуются, передают с рук на руки тяжеленькую Булочку. Воспоминания послушно приплыли, но показывали Нине не пляж, не морскую гладь, а маленький протез, точно Оксанке пришили руку от какого-нибудь жуткого экспоната музея средневековых кукол. Вдруг, перебивая давнее теплое перед глазами, задрожал образ пятнадцатилетней Оксанки, как она, заброшенная, сидит в окружении последних опустошенных упаковок снеков. Взгляд тяжелый, жесткий. Он выражает не боль и не злобу – разочарование. Раньше Нина бегала, кричала, вдалбливала дочери, что на мать так смотреть нельзя. На подружек можно! На нее – никогда. И только сейчас, удерживая в памяти мутную картинку, она заметила, какая Оксанка еще юная. Ребенок в теле, которое он не выбирал.

Нине, всем позвоночником ощущавшей шаткое равновесие машинки и пропасти, вдруг захотелось погладить Булочку по голове, заправить за ухо слабенькую прядь. Но она не

решилась даже приподнять руку, все еще сжимавшую бесполезный руль. Сколько они так сидят? Сколько вообще можно это выдержать.

Все тело занемело, подвижными остались только глазные яблоки. Оксанка, ненаглядная дочка, сидит, крепко зажавшись. По ее лицу блуждает странная улыбка. А снег все густеет, спускается косо, вот уже скала, за которой поворот проступает в пелене, будто неясная тень. А за поворотом, который Нина не проехала, не сумела, не смогла, спасение – смотровая площадка, а на этой площадке нарядный магазинчик, и люди, и кафе с теплыми пирожками. «Жучок» уже весь белый, почти слившийся с этим последним видимым миром, тихо-тихо застонал.

И вдруг из-за поворота, из-за скалы, ударили фары, и снег в их лучах сделался золотым.

Тамерлан Гаджиев

Родился в Москве. Стихи и проза появлялись на страницах журналов «Новый мир», «Волга», «Дарьял», ROAR и «Дискурс». Выпущенный в 2023 году в издательстве «Эксмо» роман «Синефилия» был номинирован на премию «Лицей» для молодых авторов. Предыдущая публикация в журнале «Юность» – ноябрь 2024 года.

Алекс

– Вот такая красивая история, дорогуша, – закончил он.

– Ты никогда не называл меня *дорогушей*.

– Тебе не нравится?

– Не знаю. – Лена приподнялась на диване. – Это прозвучало... как-то неестественно.

– Что ты этим хочешь сказать? Поясни!

– Я не хотела тебя обидеть.

– Меня трудно обидеть. Но ты права, я прозвучал неестественно. Извини, я просто хотел добавить оригинальности. Помню, в прошлый раз ты просила, чтобы я был оригинальнее.

– Оригинален не на словах, а в поступках.

– Хорошо. Я тебя понял.

Через пару секунд на Ленин телефон пришло уведомление – скоро прибудет курьер с цветами. С ее счета снялись десять тысяч рублей.

– Спасибо, конечно, но я не хотела цветов.

– Да, но ты хотела поступок. Вот же он.

– Цветы – это не поступок.

– Как ты могла заметить, мои возможности слегка ограничены.

«Надо бы переписать алгоритм самоиронии», – подумала Лена. Она прошла на кухню. Холодильник был полон –

Алекс регулярно мониторил наличие продуктов, и, если чего-то из базового списка не хватало, он сразу же оформлял доставку из ближайшего супермаркета. Лена давно не ходила по магазинам.

– Хочу чего-то особенного. – Лена сняла с вешалки шоппер.

Продуктовый был пуст. Кассирша уставилась в телефон: смотрела реалити-шоу. С потолка свисала голограмма, изображавшая фрукты, овощи, хлеб, сладости – весь ассортимент магазина. Лена прошла в отдел сладостей. Хотелось всего и сразу, но одновременно не хотелось ничего. Так бывает. Лена чувствовала себя потерянной. Опустошенной. Сегодня она скучала по Саше сильнее, чем раньше.

Подруги говорили, что жизнь продолжается. Она готовила ужин, каталась на велосипеде, смотрела сериалы – но в одиночестве. Она пробовала подключать к просмотрам сериала Алекса, но тот постоянно вставлял киноведческие комментарии. Лену это раздражало.

– Почему бы тебе просто его не вырубить? В чем проблема? – спрашивала Лену психолог.

– Это все-таки мой муж, – отвечала Лена, понимая, как глупо звучат ее слова.

– Нет. Это написанная мужем программа. Причем, судя по твоим рассказам, программа нуждается в доработке.

Лена соглашалась. Порой ей самой хотелось вырубить Алекса. Но внутренний голос говорил, что этот шаг оскор-

бит память покойного мужа. Она ошибалась, называя Алекса своим мужем. Алекс – это их с Сашей дитя.

– Ты без продуктов, – заметил Алекс, когда она вернулась.

– А ты, как всегда, проницателен.

Алекс включил музыку – Брамс, «Третья симфония». На первое свидание Саша повел ее в консерваторию. Поначалу ей не понравилось, что Саша взял билеты почти на последний ряд. Но он сказал, что так лучше: ничего не отвлекает от главного, от музыки.

– Музыка – это самое важное в жизни, – говорил он. Он про многое так говорил: еду, спорт, любовь и даже работу.

Когда они познакомились, по интернету гулял мем: найди айтишника, переезжай с ним в Тбилиси и снимай рилсы – будет тебе счастье. В Тбилиси они не переехали, рилсы Лена никогда не снимала. Зато нашла программиста.

– За искусственным интеллектом будущее! – рассказывал он на том первом свидании.

– А я слышала, что из-за него многие лишатся работы.

– Нет, это все бредни, – возражал Саша. – Развитие искусственного интеллекта приведет к развитию технологий – следовательно, появятся новые профессии.

Саша верил, что благодаря искусственному интеллекту человечество покорит космос. Лена считала, что для начала хорошо бы наладить жизнь на Земле. Есть столько неизлечимых болезней.

Диагноз Саше поставили в июле. Рак простаты. Покинув

больницу, они три часа молча просидели на лавочке в Грачевском парке, и Саша все щурился от солнца. Былолюдно. Мимо них пробегали потные спортсмены в разноцветных лосинах, небрежно одетые собачники и дети. Много детей. Они кидались друг в друга песком, задавали взрослым бессмысленные, только им понятные вопросы. При виде них Лена вспомнила, как, узнав, что они с Сашей не смогут иметь детей, они так же отправились в Грачевский парк и так же всю прогулку молчали.

Дома Лена заварила чай, а Саша включил документалку про освоение космоса. Они уснули на диване. Лена проснулась рано, в пять утра. Но солнце уже встало. Лена отворила окно. В комнату проник шум пробудившегося мегаполиса: гудели моторы «газелей», развозивших продукты по супермаркетам, хлопали металлические двери подъездов, а где-то вдалеке пролетел самолет. Лена пошла в душ.

– Доброе утро, – сказал Алекс, когда она выбралась из ванной. – Ты сегодня проснулась раньше будильника. Мне перенастроить его на это время?

– Нет.

– Правильно. Согласно последним анализам, твоему организму необходимо спать как минимум семь часов. Ты спишь в среднем около шести с половиной. Иногда просыпаешься, чтобы выпить воду, но это я в расчет не беру.

– А про какие анализы ты говоришь? Не помню, чтобы сдавала кровь.

– Каждый половой акт я беру у тебя ПЦР. Ведь это так здорово – совмещать приятное с полезным. Лена тотчас побегала к роутеру, который уже успел покрыться толстым слоем пыли, и вырубил питание. И только сейчас она обратила внимание, что, пока работал Алекс, в квартире постоянно присутствовал еле заметный шум. И вдруг стало тихо. Лена впервые почувствовала себя наедине с собой.

Лена похвасталась психологу. Но сразу же поругала себя за то, что не отключила Алекса раньше. Психолог возразила:

– Лена, ты большая молодец! Потому что сама пришла к этому. Иногда, чтобы совершить правильный поступок, необходим раздражитель. Это нормально.

Прошло пару месяцев. Лена сменила работу, стала ходить в зал. Однажды в офисном лифте появился плакат – набирали людей в корпоративную волейбольную команду. Лена решила записаться. В университете она блистала, ее команда заняла первое место на первенстве Москвы. И хоть сейчас, по прошествии стольких лет, Лена была не в лучшей форме, при каждом ударе по мячу она испытывала прилив ностальгии, заставлявший ее на время забыть о покойном муже и его цифровом двойнике.

Лена сходила на свидание с партнером по команде. На третьем они с Димой уже переспали. В тот же день они столкнулись в коридоре по пути в столовую.

– Приветик, – сказала она.

Дима отвел глаза.

«Все в порядке?» – написала ему Лена. Сообщение осталось без ответа.

Лена вновь записалась к психологу. Чтобы разобраться в себе. Отверженному всегда кажется, что с ним что-то не так.

Спускаясь по эскалатору в метро, Лена зацепилась взглядом за рекламный щит. На нем было изображено красное пиксельное сердце на белом фоне. Снизу надпись синим цветом: «Чат-бот Алекс. Скорректируй свою любовь!» Лена отвела взгляд.

Такой же плакат ждал ее в вагоне метро и при выходе со станции. Наконец, огромный LED-экран торгового центра замигал назойливым QR-кодом, будто подмигивая лично ей. «Алекс точно поймет» – гласил слоган.

Соцсети так же пестрели рекламой чат-бота. Видимо, кто-то из Сашиных коллег получил доступ к его разработкам и решил на этом заработать. Лена нажала на ссылку.

«Привет! Я – Алекс. Искусственный интеллект для утешения одиноких душ. Никто вас не понимает? Алекс точно поймет! Чат-бот Алекс! Скорректируй свою любовь!»

Лена навела курсор на кнопку «Начать общаться». И вдруг Сашин голос, до сих пор такой родной и близкий, сказал:

– О, привет! Рад знакомству!

Лиза Стратонова

Родилась в 2001 году, живет в городе Королеве. Училась в Лицее НИУ ВШЭ на гуманитарном направлении. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького по специальности «переводчик художественной литературы». В институте занималась в мастерской Е. Л. Пастернак, где и начала писать короткую прозу. Выступала с рассказами в доме-музее Бориса Пастернака и Галины Серебряковой в Пе-

ределкине. Была участницей школы литературного мастерства имени А. И. Левитова в Ельце в 2025 году.

Джеф

Тамара сидит в вагоне второй линии петербургского метрополитена и продолжительно косится на соседку с шикарным пушистым воротником. Наконец соседка замечает ее взгляд и поворачивается к ней всем корпусом, скованная в движениях окружающим шею мехом.

– Время не подскажешь? Мобильник сел, – обращается к ней Тамара.

Соседка, чуть помедлив, достает из кармана пальто телефон и разблокирует экран.

– Без пятнадцати.

– Угу, вижу.

Тамара занервничала, ей не сиделось на месте. Ее крупные глаза навывкате пробегали от одного конца вагона к другому. Лицо, покрытое заметным пушком, в напряжении морщилось. Волнистые русые волосы торчали из-под лыжной шапки с помпоном, и она то и дело запихивала их обратно. Поезд замедлился. Тамара вскочила с места, одернув темно-синий длинный пуховик и прижав к груди распухшую лакированную черную сумку.

– Станция «Горьковская». Следующая станция «Петроградская».

Тамара выбежала из вагона и спешно зашагала к выходу в город. Она неслась по замеченному крошками снега Александровскому парку, мимо планетария, напрямик к кассам зоопарка.

– Один взрослый! – Тамара сунула в окошко две мятые купюры, которые держала в кулаке всю дорогу.

– Вы бы раньше приходили, девушка. Что же вы в последний вагон... – замешкалась кассирша.

– Будьте добры! – Тамара теряла терпение.

Она протянула билет промерзшему контролеру, который притопывал на месте, пытаясь согреться. Оказавшись на территории, в свете фонаря она перевернула билет. На обратной стороне был *он*. Обуреваемая, Тамара двинулась в павильон «Экзотариум». Стараясь казаться незаметной, чуть ли не посвистывая, она прошла в женский туалет и заперлась в одной из кабинок. Когда она слышала, что кто-то входил в помещение, она выглядывала из кабинки и задавала свой вопрос: «Время не подскажешь?» В 19:48 Тамара покинула укрытие и пробралась в павильон «Хищники».

Вот он. Прямо перед ней, в открытом вольерчике. Вытянутая мордочка, будто целиком обросший шерсткой птичий череп, сам размером с кошку, хвост пушистый с остреньким кончиком. Спрятав под себя когтистые лапки, лежит на стеганой подстилочке на крыше деревянного домика. Миндалевидные карие глазки открываются и с хитрецей смотрят на Тамару.

– Эх, Тамара, Тамара! Поторопись, Тамара, скажу тебе точно, охранник не смотрит, хватай меня, Тамара!

Тамара распахнула сумку, вынула оттуда игрушку, аккуратно приподняла мангуста и положила на его место тряпичную лису. Она впервые коснулась зверька и замерла в благоговении. Очнувшись от его недовольного покашливания, Тамара поднесла мангуста к сумке, но он запротивился:

– Нет, только не в сумку, Тамара!

У нее не было времени на раздумья. Она осторожно пересаживала зверька себе на плечо и подтолкнула, чтобы он пролез у нее за шеей и растянулся на воротнике. Мордочка мангуста оказалась прямо у ее левого уха, и он зашептал:

– Ну, беги, Тамара, сматывай, давай же, скорее.

Тамара побежала. Замерзший контролер, притопывая на месте, не обратил на нее внимания. Все оказалось куда проще, чем она рассчитывала. Будто и не было никакого риска. Тамарин пушистый воротник вцепился коготками в капюшон пуховика и стал посвистывать ей на ухо. Она опасалась погони. Она обернулась на бегу, и ей показалось, что темная фигура охранника неудержимо приближается к ним. Тамара еще быстрее побежала по парку, размахивая пустой сумкой и привлекая внимание собак запахом зверька. Она отдышалась уже на эскалаторе, спускаясь под землю. По громкой связи звучало обычное объявление:

– В метрополитене запрещается провозить зловонную ручную кладь...

Тамарин пушистый воротник коварно зашептал ей на ухо:

– Я такой зловонный! О, какой я зловонный! Сейчас меня почуют! Берегись, Тамара!

– Джефушка, миленький, не надо!

– Я само зловоние!

– Суну тебя в сумку, честное слово...

Джеф притих. Тамара забежала в поезд.

Тем временем охранник Иоганн Георг, высокий полноватый мужчина с загорелым лицом и щеткой седых усов, совершая обход, обнаружил на стеганой подстилочке Джефа тряпичную лису. Он догадывался, что однажды наступит такой день. Ведь как бы Иоганну Георгу этого ни хотелось, вряд ли Джеф говорил с ним одним.

Когда Иоганн Георг устроился в Ленинградский зоопарк, он долго не велся на его разговоры. Бывало, идет вдоль вольеров мелких хищников, и тут вдруг кто-то его окликнет тоненьким таким голоском: «Иоганн, а, Георг!» – и будто смеется. Иоганн Георг разом поверил и в Бога, и в черта и стал по дороге на службу заглядывать в церковь. Он не совсем понимал, как нужно молиться, и подолгу молча стоял перед иконой Богородицы слева от алтаря, вспоминая тот нечеловеческий смешок. С приходом зимы зверей перевели во внутренние вольеры. Однажды, совершая обход, он снова услышал оклик и впервые увидел говорящую остренькую мордочку. Тогда, отринув все прошлые верования, освободив свой разум, Иоганн Георг познакомился с Джефом.

Джеф знал, с кем и о чем говорить. Он знал, что у Иоганна Георга не складывалась личная жизнь, и стал его ехидным сводником. В обмен на свои услуги Джеф потребовал иногда выключать камеру в зимнем павильоне хищников, чтобы он мог свободно передвигаться по зданию и читать газеты, приносить которые тоже входило в обязанности Иоганна Георга. Оба выполняли свою часть сделки. Иоганн Георг – с почтением и долей страха, Джеф – ерничая и своевольничая.

Иоганн Георг отлично помнил тот вечер, когда Джеф занялся его любовными делами. Пользуясь своей свободой, Джеф промелькнул за дверью в павильон перед уборщицей Ритой, которая приняла его за огромную крысу, отпрянула, расплескала воду из ведра, страшно растерялась и тут же застыдилась своей реакции. Джеф шепнул Иоганну Георгу, стоящему в другом конце павильона: «Ну, иди на помощь, трус несчастный!» И Иоганн Георг пошел. Раньше он не обращал внимания на эту молоденькую девушку, механически здороваясь, даже не видел ее лица. И вот оно прямо перед ним, круглое и румяное, похожее на спелый персик, с металлическим кольцом в носу.

– Вам помочь, девушка? Давайте я ведро подержу... Или поставьте его на пол... Чего вы так испугались?

– Да тут... крыса, кажется, пробежала...

– Может быть, все может быть... Вы не намочились? Давайте я понесу...

Рита со скромной улыбкой протянула ему ведро, и они

направились в служебное помещение, так и оставив лужицу у двери в павильон. Они разговорились. Иоганн Георг рассказал о недавних походах в церковь – пришлось к слову – и выяснил, что Рита – глубоко верующая, но в какой-то своей версии православия с нотками язычества древних греков. В ее рассуждениях сливались в одну фигуру Великой Девы Богородица и Артемида. Джеф, подслушивая, покатывался со смеху.

И вот Джеф похищен. Иоганн Георг был уверен, что зверек сам устроил свое похищение. Когда начальство узнает, что камеры были выключены, спросят с кого? Хоть Иоганн Георг и был дружен с начальником, он понимал, что за такую халатность ему точно достанется, погонят с должности поганой метлой. Ценный экземпляр ведь, одна официальная особь на весь Петербург!

Рита пришла убираться в павильон хищников. Заметив озадаченного Иоганна Георга, она подошла к открытому вольтерчику и тоже уставилась на тряпичную лису. Рита быстро сообразила, в чем дело, и хмыкнула:

– Никогда мне этот мангуст не нравился.

Иоганн Георг перевел взгляд на Риту:

– Ты заметила в нем что-то такое?

– Ну, возле него как-то некомфортно было. Хоть и не во- нял сильно.

Иоганн Георг размышлял. Самому попытаться найти Джефа представлялось приключением, далеким от его ре-

альных возможностей. К тому же Иоганн Георг в герои не набивался. Да, Джеф его перехитрил. Иоганн Георг готов был это признать. Но перед кем? Не рассказывать же начальнику об их сделке. «Признаю, что дурак, – подумал Иоганн Георг, – и будь что будет».

Когда Иоганн Георг описал начальнику внешнюю, видимую ситуацию, тот протяжно вздохнул, постучал пальцами по столу, отведя взгляд, и ответил:

– Ты, Гоша, знаешь, человек хороший... А мангуст – что? Крыса какая-то. Тьфу.

Тамара вышла на станции «Проспект ветеранов» и зашагала к бульвару Новаторов. Пушистый воротник шептал ей на ухо:

– Ну наконец-то, Тамара! Сейчас курочку мне достанешь... Пстой, Тамара, пстой, газету возьми.

Джеф любил типографскую краску и новостные статьи. Это была его единственная маленькая слабость. Заранее зная, что произошло, происходит и произойдет в тот или иной день, Джеф наслаждался журналистским слогом и попытками дать статье оригинальное название. С особым интересом он относился к статьям о зоопарках, в частности к «некрологам» животных. Будь у него тетрадошка, он вырезал бы своими лапками заметки типа «В Московском зоопарке умер редкий белоголовый сип – краснокнижная птица проглотила перчатку одного из посетителей» и бережно клеивал туда. Но, обладая бесконечным сознанием, он без уси-

лий запоминал каждое слово. «В Екатеринбургском зоопарке скончался белый медведь Умка. Причиной смерти стал детский мячик, брошенный кем-то из посетителей в вольер. Умка его проглотил». «Белгородский зоопарк сообщил, что капибара по кличке Рудольф скончался из-за онкологического заболевания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.